

УДК 82-3

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134

ТЕМА РАСКОЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОСМЫСЛЕНИИ А. Н. ТОЛСТОГО (ПО РОМАНУ «ПЁТР ПЕРВЫЙ»)

Червоненко С. М.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана,

Мытищинский филиал

141005, Московская обл., г. Мытищи, ул. 1-ая Институтская, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Показать особенности раскрытия автором обстоятельств церковного раскола XVII в., их влияния на общество, дать подробный анализ нескольких созданных А. Н. Толстым образов старообрядцев и картин их деятельности, прокомментировать авторское изображение уклада жизни в скитах староверов, их нравственного и духовного состояния.

Процедура и методы. Для раскрытия темы используются аналитический и сравнительный методы исследования художественного текста. Автором исследования даётся подробный анализ монашествующих и патриарха. В центре исследования внутренние, духовные проблемы населения, нравственной потерянности, поиск отдельными персонажами правды, истинной духовной опоры. Проясняются конкретные методы, благодаря которым автору удалось вслед за Д. Мережковским оригинально запечатлеть основные грани состояния России в эпоху петровских реформ. Особое внимание уделяется изображению художественной детали.

Результаты. В ходе исследования выявлены стилистические особенности, которые помогают автору в его стремлении к реалистическому изображению исторического периода. Проясняется вопрос об авторском понимании влияния церковного раскола на духовную и нравственную, а также хозяйственную жизнь страны. Анализируются и проявляются образы раскольников, монашествующих и самого патриарха.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование подтверждает, что духовные проблемы занимают в творчестве А. Н. Толстого далеко не последнее место. Значимость работы заключается в углублённом и конкретном осмыслении пластического воплощения заявленной темы.

Ключевые слова: А. Н. Толстой, автор, конфликт, монах, мотив, народ, реформы, старообрядцы, церковный раскол

SCHISM IN A. N. TOLSTOY'S LITERARY COMPREHENSION (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "PETER THE GREAT")

S. Chervonenko

Moscow State Technical University named after N. E. Bauman, Mytishchi branch

ul. 1-ya Institutskaya, Mytishchi 141005, Moscow region, Russian Federation

Abstract

Aim. We show peculiarities of A. N. Tolstoy's disclosure of the circumstances of the church schism in the 17th century, their impact on the society and the consequences to which they led; in addition, we present a detailed analysis of several images of Old Believers created by A. N. Tolstoy and pictures of their activities. Tolstoy's description of the way of life in the sketes of the Old Believers, as well as their moral and spiritual state are commented on.

Methodology. Use is made of analytical and comparative methods of literary text research to reveal the topic. The images of Old Believers, monastics and the Patriarch are analyzed in detail. Special attention is paid to internal, spiritual problems of the population, moral loss, search for the truth by individual characters, and true spiritual support. Specific methods are clarified, thanks to which A. N. Tolstoy, following D. Merezhkovsky, managed to capture in an original way the main facets of the state of Russia in the era of Peter's reforms. Particular attention is paid to the artistic detail and its role in revealing the characters' lifestyles.

Results. The study revealed stylistic features that help Tolstoy in his desire for a realistic depiction of the historical period. The problem of Tolstoy's understanding of the influence of the church schism on the spiritual and moral, as well as the economic life of the country, is clarified. The images of schismatics, monastics and the Patriarch himself are analyzed and explained.

Research implications. The study confirms that spiritual problems occupy an important place in the work of A. N. Tolstoy. The significance of the work lies in an in-depth and concrete understanding of the *plastic* embodiment of the declared topic.

Keywords: A. N. Tolstoy, writer, conflict, monk, motive, people, reforms, old believers, church schism

Введение

Алексей Николаевич Толстой – один из выдающихся романистов XX века. Он «писал о единых основах Мира – в душе, в природе, в судьбе государства и движении истории»¹, «с равным интересом и живостью рисовал и современность, и события недавней гражданской войны, и далёкое прошлое нашего времени»².

Его эпопея «Пётр Первый» – многоплановое, сложное произведение, в котором глубоко осмыслены и ярко запечатлены различные темы и проблемы русской истории. Одним из фокусов постижения Петровской эпохи является тема церковного раскола. Писателю удаётся полностью погрузить читателя в атмосферу того времени. Во многом это происходит благодаря виртуозному владению языком, который становится «не только дверью в историю, но и самой историей» [7, с. 60]. На первом месте, конечно, образ царя Петра I. Всё художественное произведение, согласно закономерностям мировой литературы, «живдется на двух категориях: сюжете и характере» [10, с. 183].

Многие писатели XX в. в своём творчестве изображали один из сложнейших исторических этапов истории нашей

страны, обращались к неоднозначному, противоречивому образу русского государя-реформатора. В 1904 г. вышел историко-философский роман Д. С. Мережковского «Антихрист. Пётр и Алексей», позже, уже вслед за А. Н. Толстым, была опубликована историческая повесть В. Н. Иванова «Чёрные люди», позднее – повествование Ю. М. Нагибина «Огненный протопоп». Некоторые исследователи сосредоточили научное внимание на том, чтобы выявить «динамическую связь текста и контекста», что «оказывается в центре внимания прагматики и медиологии как возможных подходов к анализу литературного текста» [1, с. 42].

Образы старообрядцев в художественном освещении А. Н. Толстого

Одна из проблемно значительных сюжетных линий, которая лейтмотивом проходит через всё произведение, – это состояние веры, раскола отечественной церкви. Возникшее после реформ патриарха Никона разделение в XVII в. было весьма болезненным. Эта реформа была вызвана сложной ситуацией между православным востоком и католической церковью. Изменения были направлены на объединение перед лицом католической угрозы, но, к сожалению, привели к раско-

¹ Иванов Н. Н. А. Н. Толстой // История русской литературы XX века: в 4 кн. Кн. 1: 1910–1930 гг.: учебник. М.: Студент, 2012. С. 305.

² Там же. С. 22.

лу внутри Русской православной церкви. Вслед за Д. С. Мережковским, запечатлевшим в самом начале XX в. многие картины Петровской эпохи, в том числе религиозного раскола (часто с акцентировкой антихристового начала), Толстой весьма корректно отобразил в романе сцены и эпизоды церковной жизни, поэтому никто из советских исследователей (А. М. Крюкова «А. Н. Толстой», Г. В. Макаровская «Типы исторического повествования» и др.) не обвинял автора в фанатизме (ни религиозном, ни атеистическом).

А. Н. Толстой, обращаясь к этой теме, тщательным образом, досконально изучил труды, посвящённые старообрядцам, неоднократно возвращался к чтению «Книги о скудости и богатстве» И. Посошкова, «Житию» протопопа Аввакума, его «Посланиям и учениям», приводя в тексте романа порой крупные цитаты из этих книг.

Образ самого известного старовера не выведен на страницах романа, но его незримое присутствие постоянно ощущается. В самом начале повествования Толстой даёт две крупные цитаты из его посланий как некое напутствие протопопа последователям, с одной стороны, а с другой – обрисовывает духовное состояние народа того времени, смятение, непонимание и разлад, которые царили в стране.

Писатель выводит на страницах романа старца Нектария – основателя большой раскольнической общины. Первоначально его образ овеян некой загадочностью, его никто не знает, никто не видел, но постоянно о нём говорят, как о святом. Именно к нему направляют всех изгоев общества, кто находится в бегах, кому угрожает государственная расправа, порой незаслуженная, за ту или иную провинность. Народ изнемогал, «... воистину пришли антихристовы времена: мало было прежней тяготы, кабалы и барщины, теперь волокли на новую непонятную работу»¹. Поэтому жизнь раскольников кажется некоей Землёй Обетованной, спасением от

земных непомерных тягот. Именно туда стремятся герои-беглецы: Андрей Голиков, Овдоким, Федька, по прозвищу Умойся Грязью и др. Про подвижников-староверов складывают легенды, которые передают из уст в уста.

До появления старца Нектария читателю по рассказам старика Денисова, который сопровождает провизию, автор представляет первого старца-раскольника. Толстой не даёт ему имени, не даёт описания внешности этого «борца за истинную веру», ни единой чёрточки, ни единого штриха, акцентируя внимание на подробном описании его жизни, создавая некий условно-собираемый образ. Этот подвижник, бывший купец, который оставил всё своей жене и сыновьям, ушёл на реку Выгу, срубил там маленькую келью, «пахал пашню кочергой, сеял две шапки ячменя. Оделся в сырую козлиную кожу, она на нём и засохла, и так и носил её зимой и летом»². Толстой даёт подробное описание жизни этого подвижника: «всей рухляди у него – чашечка деревянная с ложечкой да старописанный молитвенник»³, а причащался «одним огнепальным желанием»⁴. И достиг реального плода столь аскетичной жизни: «скоро он такую силу взял над бесами, – считал их за мух»⁵. Постепенно создаётся образ тихого пристанища, где плавно, размеренно течёт жизнь. «Молитвами старца и зверь шёл в руки, и рыбу иной раз такую вытаскивали – диво. Урожались и грибы и ягоды. Он указал, и нашли руды медные и железные... Истинно святая стала обитель, тихое житие...»⁶. Для пострадавших душ – это поистине райский уголок, а старец почти что уподоблен пророку Моисею, который в древности вывел народ в Землю Обетованную. Недаром и в его кончине можно усмотреть библейские аллюзии с неопалимой купиной, явившейся тому же пророку. Его «келья – в огне, как

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 306.

² Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 438.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 439.

в кусте огненном ... А сверху-то в дыму – черти, как сажа, крутятся, визжат»¹, а на утро «из-под пепла бежит ключ светлый»². Толстой создаёт некую фантастическую ауру, основываясь на психологической составляющей, т. к. при восприятии этой загадочной «феерии мысли и чувства» [6, с. 233] героев «базируются на удивлении и восхищении» [6, с. 233] увиденным. Этот вновь забывший источник становится символом надежд. Вновь можно провести параллели с Библией, с эпизодом, когда после удара посохом пророка Моисея из скалы забил источник питьевой воды, так необходимый в пустыне: «... и ты ударишь в скалу, и пойдёт из неё вода, и будет пить народ» (Исх. 17: 6)³. Толстой показывает, что «духовное миропонимание весьма богато разновидностями, которые, однако, объединяются общим стремлением возвыситься над приземлённой, воплощённой вещественностью бытия», пытаясь полностью отказаться от неё или «пытаясь так или иначе одухотворить, преобразить и возвысить» [8, с. 31] её. Здесь автор обращается к теме мистики и магии, показывает их влияние на формирование личности. «Многие ответвления духовности по сути своей слишком различны», так что можно говорить «о их коренном расщеплении и расхождении» в сознании человека [9, с. 30].

Таким образом, старообрядчество в глазах простых людей приобретало идиллические представления, подавало надежду вырваться из непереносимых жизненных проблем. Именно к этому источнику светлой жизни стремились герои из простого люда. С темой раскола в романе тесно связана тема народа забитого, измученного. Ведь в такие скиты бежали «люди ... ломанные, ушедшие от сельской истомы, оттуда, где не давали обрасти, но, яко овцу, стригли мужика догола. Здесь искали покоя. Ничего, что пухли от болотной сыро-

сти, ели хлеб с толчёной корой: в лесу и в поле всё-таки сам себе хозяин...»⁴

Одним из таких несчастных является обездоленный, всеми брошенный, потерявший смысл жизни, забитый, напуганный, но талантливый живописец Андрей Голиков. Именно через его восприятие Толстой показывает второго старца-раскольника, о котором постоянно упоминается в начале повествования, а появляется он лишь только в середине второй книги романа. Поведение этого старца внешне напоминает самого протопопа Аввакума. На протяжении всей первой книги читатель лишь слышит о нём самые возвышенные отзывы, к нему, как единственному пристанищу, отправляют опальных, пострадавших беглецов. Таким образом, Толстой как будто намечает ореол некоей святости. Его внешность, казалось бы, является подтверждением: он «маленький, согбенный, в древнего покроя чёрной домотканой мантии»⁵. Говорит старец мягко, ласково, но под маской веры и доброты скрывается жестокая, властная натура. Уже в эпизоде, когда приходят мужики и рассказывают, как хотели избавиться от солдат, которые разыскивают пристанище старообрядцев, в качестве вразумления получают побои от старца: «... взяв из-за ременного пояса плетёную лестницу, хлестнул Степана по лицу больно, потом Петрушку по лицу ... разгораясь, бил их по щекам»⁶. Как мы видим из последующего повествования, старичок постоянно гневается, его истязания на себе испытывают практически все, в том числе и Андрей Голиков: «ежедневные побои выносил как щекотку. Старец лютовал на него день ото дня всё хуже ... так и лошадь не бьют»⁷.

Постепенно вместе с героем в праведности старца начинает сомневаться и читатель. Так, во время сорокадневного поста «постились втроём – Нектарий и по-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 439.

² Там же.

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М., 2007. 1327 с.

⁴ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 439.

⁵ Там же. С. 496.

⁶ Там же. С. 497.

⁷ Там же. С. 499–500.

слушники – сорок дней, не вкушая ничего, только воду, и то небольшой глоток»¹, когда Профирий и Андрей валились с ног, старец оставался постоянно свеж. «Мне ангел росую райскою уста освежил»², – объяснял он свою бодрость. Этой «райской росой» оказался простой мёд, который Нектарий по ночам постоянно украдкой ел. «Только ночью раз Андрей увидал, как старец тихонько слез с печи, зачерпнул из горшка ложку мёду и потребил его с неосвящённой просфорой»³. Это становится первым ударом по доверию к старцу. Наивность, детская простота характера Андрея не может держать в себе такой страшный груз сомнения, и он признаётся Нектарию в увиденном. Пойманный «Нектарий аж задохнулся»⁴. Вместо объяснений только ругательства и побои – вот его методы. «Собака, дура! То бес был, не я»⁵, а потом «он стал бить Андрея рогачом, чем горшки в печь сажают, выбил его из кельи в снег в одной рубашке»⁶. Казалось бы, после раскрытия его поведения ему нужно быть осмотрительнее, но Нектарий абсолютно уверен в своей власти над человеческими душами, так он запугал своих подопечных, что спокойно продолжал втихомолку есть по ночам мёд: «в другую ночь старец опять ел мёд, тайно, губами пришлёпывая, как заяц. На заре, когда все ещё спали, Андрей осмотрел ложку, – в меду! И волос седой пристал...»⁷ «Великое сомнение»⁸ мучает душу бедного Голикова. Именно такое прилагательное использует автор, чтобы показать мощный поток переживаний, которые обрушиваются на героя. Подрыв и полное уничтожение доверия к духовным устремлениям старца Нектария, а вслед за ним и ко всему старообрядчеству показывает А. Толстой.

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 498.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 499.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

После замеченного в лукавстве лжестарца его слова о пришествии антихриста уже не звучат столь убедительно. Вся его злоба против царя Петра не имеет такой мощной силы, как прежде, хотя оформлена в яркую проповедь: «Антихрист пришёл к вратам мира... И в нашей земле обретается чёрт большой, ему же мера – ад преглубокий»⁹. Андрей начинает понимать, что сам Нектарий напоминает этого самого антихриста: «... поди уверь, что он сам, Нектарий, – не лукавый? Возить по спине рогачом и чёрт может»¹⁰. Здесь можно предположить, что «психологическая сущность злобы ... раскрывается как внутренний протест внешне побеждённого “я” против неодолимости и неизбежности» [11, с. 197].

Полностью развенчивает образ лжесвятого старца Нектария «бесноватый» мужик, который сидит на цепи в келье, где живёт Андрей Голиков. «Ох, властный старичок, гордый! Ему святители спать не дают. Начинаются чётки минеи, и пошёл чудить!.. Он бы десять лет на сосне просидел, кабы не лютые зимы. И народ жжёт для того же, – любит власть! Царь лесной...»¹¹ Гордыня и жажда власти над несчастными душами – единственное, что движет этим псевдоподвижником. За маской смирения, простоты, доброты скрывается хищная, жестокая личность, использующая ситуацию, путаницу сомнений в своих корыстных, амбициозных целях, хотя в глазах паствы как будто разжигал «ненависть к владыке мира – антихристу. Ленивых в ненависти наказывал, а то и вовсе изгонял»¹². Последующий побег после сожжения заживо людей в скиту становится ярким подтверждением его гнусной сущности.

Толстой показал в романе, что это проблема не одного конкретного человека, не одного конкретного скита. Вскользь упоминается, что в других процветают разврат и непристойность, по словам всё того же бесноватого, который раскры-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 500.

¹² Там же. С. 504.

вает глаза Андрею Голикову: «Дурак, по скитам, думаешь, с ветра брюхатят бабы? В Выготской обители их десятка три, как тельные коровы, ходят... А уж на что там строго...»¹ Автор ни в коем случае не рассматривает раскол как безусловное свойство русской души. Он лишь показывает страдания и метания народа, показывая исконное стремление русского человека к бескомпромиссной правде, духовной высоте.

Церковные вопросы и проблемы в романе

Обрисовывая малопривлекательную атмосферу, которая царит у староверов, показывая старообрядчество не с самой лучшей стороны, А. Толстой при этом не идеализировал и самой церковной жизни, стараясь быть объективным и реалистичным. Автор обличает многие пороки (жадность, своеволие, грубость, жестокость) монашества, которое по определению должно быть образцом добродетели, но, оказывается, всё наоборот. Здесь следует обратиться к другой немаловажной теме, которую, хоть и кратко, затрагивает А. Толстой. С самых первых строк читатель сталкивается с церковным ростовщичеством. Именно монахи дают «деньги под большой рост – двадцать копеек с рубля»² – ссужают даже бояр, которые по какой-то причине вошли в долги. В такую ситуацию в начале повествования попадает молодой Василий Волков, не раз потом встреченный читателем на страницах романа.

Получив информацию о денежных богатствах монастырей, молодой царь обложил и их данью на нужды государевы – на создание флота, для развития торгового и военного дела. Наиболее ярко противостояние царя и монастырей показано в двух эпизодах. Один из них наполнен авторским сарказмом, в нём автор красочно описывает нравы и поведение монахов, даёт

художественную картину монастырского быта. Толстой описывает драку мужиков, сопровождающих ладью с продовольствием, с монахами Крестовоздвиженского монастыря, ключарь которого Феодосий отличается особенной жёсткостью и жадностью. В описании этого ключаря автор обращает наше внимание лишь на его глаза: он смотрит «страшными глазами»³, особо прорисован его «дикий глаз»⁴, т. к. второй заплыл от удара. Глаза у Толстого часто становятся основной портретной деталью в характеристике персонажей, нередко выдают страшного, злобного человека. Вторым красноречивым элементом в описании героя становится его цыганская бородка, дважды упоминаемая писателем как намёк на воровство и жажду наживы, которые ярко расцвели в характере монаха. Всё его поведение, нотки бешенства, угрозы сжечь, сама драка, в которой монахи пытаются отобрать провизию у мирян, – это не только штрихи к портрету конкретного персонажа, но и некое обобщение. Толстой отразил глубокие проблемы истощения истинной веры, показывая, как наживались монастыри, устанавливая своеобразный оброк, порой непосильный для простых людей. «Монахам мы давали: зимой – четвертую часть снятка, и от каждой путины даём. Ему мало. Парус увидит и бежит на берег, и оставит тебе рыбы, только чтобы пожрать»⁵. А если не отдаёшь, сразу спрашивают, как крестишься, если лукавишь, то «в монастырский подвал, садиться на цепь»⁶, – жалуются рыбаки.

Показателен также эпизод, в котором царь Пётр, после поражения под Нарвой, отступая в Новгород, приказывает всем монашествующим выйти на строительство укреплений. «Указом твоим велено с каждого монастыря брать по десяти и более подвод и людей с железными лопатами... И от каждого прихода ставить подводы и людей тоже... Воистину это выше сил че-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 501.

² Там же. С. 9.

³ Там же. С. 441.

⁴ Там же. С. 447.

⁵ Там же. С. 443.

⁶ Там же.

ловеческих, великий государь»¹, – жалуются монахи. Но царь непреклонен, государственные дела, в данном случае оборона города, для него важнее. Смирятся монахи и выходят на работы, т. к. другого выбора у них нет. В противном случае грозное предупреждение Петра: «пошлю поручика по монастырям и церквам: кого найдёт без дела – на площадь, к столбу – пятьдесят батогов»². Жёсткое отношение государя вызвано острыми обстоятельствами, но конфликт между государством и церковью таким образом лишь усугублялся.

В изображении гонений на старообрядцев автор во многом смягчает краски, в отличие от Мережковского. У последнего преобладает мистический подход. А. Толстой использует смешанный, стремясь к реалистичному изображению. Оставаясь реалистом, он, «прикрываясь или закрываясь приёмами мнимого фотографического бесстрастия и объективной созерцательности ... предоставляет читателю самому оценивать изображаемую им действительность» [2, с. 207]. Необходимо отметить, что писатель не обращается к данной теме в противостоянии основной церкви с раскольниками, а идёт глубже, показывая, как используют раскол в государственных интересах. Так, после смерти царя Фёдора Алексеевича взбунтовавшиеся стрельцы одним из своих требований выдвигают возвращение старой веры, крепкой до никоновских реформ.

Особая ответственность в сложившейся ситуации ложится на плечи патриарха. Толстой выводит двух священнослужителей высшего ранга на страницах романа. Один из них Адриан. Он упоминается автором трижды. Если в первом эпизоде он ещё полон сил, энергии и любознательности, то в конце романа это уже измождённый старец, «слабый телом»³. Толстой изображает его во время богослужения, несколькими

штрихами обрисовывая и патриарха, и службу, и храм, и состояние верующих во время богослужения. Проливающий молитвенные слёзы, с воздетыми к куполу руками, первосвященник молится о даровании победы русскому войску в грядущей войне. Контрастное сочетание немощного патриарха и мощный глас архидьякона, который звучит в соборе «подобно трубе Страшного суда»⁴, объединяют паству в единый молитвенный порыв: «все плакали, глядя на слёзы, текущие по запрокинутому к куполу лицу владыки»⁵. В описании А. Толстой акцентирует два цвета: чёрный и золотой. Чёрный – цвет монашеского облачения: «черна была мантия патриарха»⁶, окружающие молящихся лики святителей тоже чёрные, но оклады икон в золоте – «золотом и славою сиял храм»⁷. Внутренний духовный аскетизм в сочетании с внешней красотой и силой веры русского народа лаконично, но глубоко и выразительно изобразил автор несколькими, почти графически заострёнными штрихами.

Заключение

В романе «Пётр Первый» А. Толстой наряду с глубинными историческими, философскими и нравственными вопросами обращается к теме веры, показывает народ, измученный реформами молодого царя, постоянными поборам, непосильным трудом, побоями, страхом. Многим от безысходности остаётся лишь бежать в глухие леса. Следует отметить, что А. Толстой включает тему раскола в художественное пространство как часть исторического процесса России того времени. Перемены, назревавшие до Петра и направленные стремительные обороты во время его правления, становятся стержневыми в романе. Автор осмысливает суть событий и их отношений «с историческим и философским контекстом эпохи, сложной, порой проти-

¹ Толстой А. Н. Пётр Первый // Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1986. С. 616.

² Там же. С. 618.

³ Там же. С. 578.

⁴ Там же. С. 579.

⁵ Там же. С. 578.

⁶ Там же. С. 579.

⁷ Там же.

воречивой и трагической, диалектики этих связей» [4, с. 152].

Достижению реалистичности при этом служит структура повествования художественного текста, «представляющего собой организацию свойственных ему единиц ... различных языковых средств, которые тесно взаимосвязаны и функционируют в своём единстве» [5, с. 358]. Благодаря многоплановости художественного пространства «складывается русскоязычная межкультурная идентичность, обладающая рядом характерных черт» [12, с. 113]. Писатель «использует приём пано-

рамного изображения жизни» [3, с. 187]. Он максимально убедительно изображает Петровскую эпоху со всеми катаклизмами, сомнениями, поисками правды, нравственной истины и смысла жизни, углубляется в религиозные вопросы, освещая на широком фоне национального бытия судьбы духовных лиц, монашествующих, и обращает внимание читателя на один из самых болезненных вопросов внутренней жизни народа – церковный раскол.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Венедиктова Т. Д., Логотов А. В. Прагматика и медиология литературного текста // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 1. С. 42–54.
2. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 2005. 288 с.
3. Корнилова С. И., Тернова Т. А., Радионова А. В. Лиро-философский метатекст в русской литературе. Смоленск: Смоленский университет, 2019. 412 с.
4. Крюкова А. М. А. Н. Толстой и русская литература: Творческая индивидуальность в литературном процессе. М.: Наука, 1990. 257 с.
5. Кулакова В. А. Роль синтаксических конструкций в создании образа персонажа // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвящённый 80-летию юбилею профессора Льва Феодосьевича Копосова. Вып. XIX / сост. Л. Ф. Копосов, Ю. В. Коренева, О. В. Ряховская. М.: Принтика, 2020. С. 232–240.
6. Леденёва В. В. О потенциальных словах в текстах феерии // Русский язык: история, диалекты, современность: сборник научных статей, посвящённый 80-летию юбилею профессора Льва Феодосьевича Копосова. Вып. XIX / сост. Л. Ф. Копосов, Ю. В. Коренева, О. В. Ряховская. М.: Принтика, 2020. С. 232–240.
7. Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. 320 с.
8. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности XIX века. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2012. 504 с.
9. Моторин А. В. Теория русской словесности. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2013. 300 с.
10. Овчаренко О. А. Сюжет, фабула, композиция. Теория литературы. Т. II. Произведение. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 376 с.
11. Скафтымов А. П. Поэтика художественного произведения. М.: Высшая школа, 2007. 535 с.
12. Сорокина В. В. Литература между мирами // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 1. С. 113–121.

REFERENCES

1. Venediktova T. D., Logotov A. V. [Pragmatics and Mediology of a Literary Text]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2020, no. 1, pp. 42–54.
2. Vinogradov V. V. *O teorii khudozhestvennoi rechi* [On the Theory of Artistic Speech]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005. 288 p.
3. Kornilova S. I., Ternova T. A., Radionova A. V. *Liro-filosofskii metatekst v russkoi literature* [Lyrical and Philosophical Metatext in Russian Literature]. Smolensk, Smolenskii universitet Publ., 2019. 412 p.
4. Kryukova A. M. A. N. *Tolstoi i russkaya literatura: Tvorcheskaya individual'nost' v literaturnom protsesse* [A. N. Tolstoy and Russian Literature: Creative Individuality in the Literary Process]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 257 p.

5. Kulakova V. A. [The Role of Syntactic Constructions in Creating the Image of a Character]. In: Koposov L. F., Koreneva Yu. V., Ryahovskaya O. V., comps. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letnemu yubileyu professora Lva Feodos'evicha Koposova. Vyp. XIX* [Russian Language: History, Dialects, Modernity: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 80th Birthday of Professor Lev Feodosevich Koposov. Iss. XIX]. Moscow, Printika Publ., 2020, pp. 232–240.
6. Ledeneva V. V. [On Potential Words in Extravaganza Texts]. In: Koposov L. F., Koreneva Yu. V., Ryahovskaya O. V., comps. *Russkii yazyk: istoriya, dialekty, sovremennost': sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letnemu yubileyu professora Lva Feodos'evicha Koposova. Vyp. XIX* [Russian Language: History, Dialects, Modernity: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 80th Birthday of Professor Lev Feodosevich Koposov. Iss. XIX]. Moscow, Printika Publ., 2020, pp. 232–240.
7. Mandelsh'tam O. E. *Slovo i kul'tura: stat'i* [Word and Culture: Articles]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1987. 320 p.
8. Motorin A. V. *Dukhovnye napravleniya v russkoi slovesnosti XIX veka* [Spiritual Trends in Russian Literature of the 19th Century]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2012. 504 p.
9. Motorin A. V. *Teoriya russkoi slovesnosti* [Theory of Russian Literature]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Publ., 2013. 300 p.
10. Ovcharenko O. A. *Syuzhet, fabula, kompozitsiya. Teoriya literatury. T. II: Proizvedenie* [Plot, Plot, Composition. Theory of Literature. T. II]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2011. 376 p.
11. Skaftymov A. P. *Poetika khudozhestvennogo proizvedeniya* [Poetics of a Work of Art]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2007. 535 p.
12. Sorokina V. V. [Literature between the Worlds]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 9: Philology], 2021, no. 1, pp. 113–121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Червоненко София Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана Мытищинского филиала;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofia M. Chervonenko – Cand. Sci. (Philological Sciences), Assoc. Prof., Department of Linguistics, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman;
e-mail: caf-rus@mgul.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Червоненко С. М. Тема раскола в художественном осмыслении А. Н. Толстого (по роману «Пётр Первый») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 3. С. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134

FOR CITATION

Chervonenko S. M. Schism in A. N. Tolstoy's Literary Comprehension (On the Example of the Novel "Peter The Great"). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 3, pp. 126–134.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-3-126-134